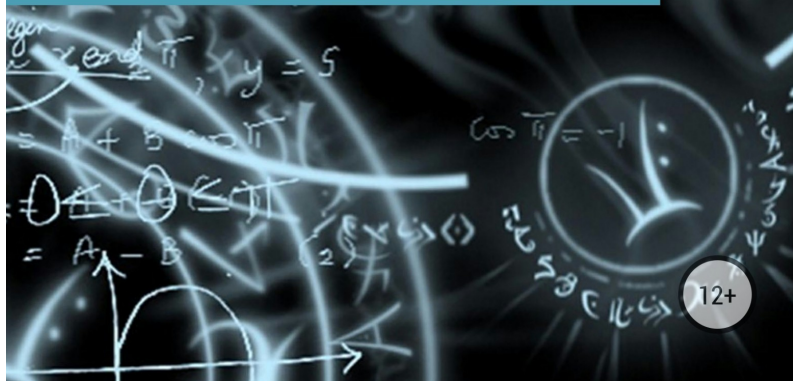

Игорь Марков

Двоечник

Рассказ из серии
"Портфель забытых воспоминаний"

12+

Игорь Владимирович Марков

Двоечник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30656841

SelfPub; 2018

Аннотация

Рассказ о дружбе народов в стране развитого социализма.

Игорь Марков
Двоечник
Рассказ

«Израильская, – говорю, – военицина

Известна всему свету!

Как мать, – говорю, – и как женщина

Требую их к ответу!»

Александр Галич

«О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира»

Автобус приближался к Иерусалиму. Дорога пошла на подъём. В святой город не приезжают – в него совершают восхождение.

– Господа, прошу вашего внимания, – сказала девушка-экскурсовод. – Мы находимся в историческом месте. – Она махнула синей пластиковой папкой в окно. По краям шоссе возвышались склоны неглубокого ущелья, поросшие кое-где пыльной растительностью. – Видите металлические конструкции на камнях?

– Видим-видим, – послушно отозвался мой сосед. – Вам видно? Я не загораживаю? – обратился он ко мне.

Я отрицательно помотал головой.

– Это останки погибших боевых машин. Они защищали грузовики, которые везли жителям Иерусалима самое необходимое весной 1948 года. Шла война. Эту единственную дорогу захватили и обстреливали арабы. Израильтянам пришлось построить объезд, чтобы снабжать столицу продовольствием. А это шоссе, по которому мы едем, освободили только через двадцать лет – во время Шестидневной войны

1967 года.

– Судный день, – громко сказал мой сосед, стараясь привлечь внимание остальных туристов глубокими познаниями истории современного Израиля. – Я читал. Это была война Судного дня.

– Нет. Ну что вы, – возразила девушка-экскурсовод, махнула рукой в его сторону и отрицательно потрясла синей папкой, как учительница, предостерегающая двоечника от неправильного ответа на элементарный вопрос. – Война Судного дня случилась потом – в октябре 1973 года. А до того целых три года шла так называемая Война на истощение. Израиль – это постоянно воюющая страна. Кстати, против нас – на стороне Египта и Сирии – тогда воевали советские военные специалисты. Я слышала, что в России ветераны этих войн до сих пор добиваются социальных льгот, как участники вооружённых конфликтов.

– Не удивительно, – согласился мой сосед. – Этого они у нас до второго пришествия добиваться будут.

Туристы в автобусе одобрительно засмеялись. Русский человек за границей любит показать нашу самость и особость, но не любит, когда об этом ему напоминают другие. Девушка-экскурсовод, судя по правильному русскому языку, ещё недавно была из наших, знала это свойство земляков и не стала развивать тему.

– Я свою-то историю плохо знаю, а их войны тем более, – сказал сосед уже только для меня, понизив голос. – Думаю,

что это простительно для иностранца, а тем более – иноверца. Как вы полагаете?

– Несомненно, – согласился я и впервые, с начала нашей поездки, внимательно рассмотрел его.

Он был примерно пятидесяти лет. Одет, как большинство мужчин такого возраста, в светлые хлопчатобумажные брюки, кроссовки неопределённого происхождения и клетчатую рубашку навывпуск с карманами. Густые чёрные волосы и немного раскосые глаза указывали на его восточные корни, уходящие в глубину веков. Однако, за долгие годы произрастания на российской почве, они потускнели и утратили свою яркую самобытность. Если бы он не сказал о своём инородстве, я бы и не заметил.

– Я вообще ни на какой войне не был. Даже в армии не служил, если не считать военную кафедру в институте. Но какая же это армия? Две недели в лесу шишки собирал. И с тех пор лейтенант запаса. Танкист. Вот только уже не помню: с какой стороны на этот танк садятся. Но ту их войну 1973 года я хорошо запомнил. И, в некотором смысле, даже претерпел от неё по службе, как говорил незабвенный Павел Иванович Чичиков.

– Как мне помнится, – возразил я, желая показать учёному соседу свою способность поддерживать интеллигентский разговор, – Павел Иванович на таможене воровал. А у нас с Израилем в 1973 году таможенных отношений не было. Советский Союз с ним разругался в 1967-м, как раз после Ше-

стидневной войны. Где же вы тогда государеву службу сполняли?

Выезжая за границей на экскурсии, я люблю общаться с экскурсоводами. Если туристов мало, то удаётся поговорить на разные отвлечённые темы: как, например, им самим живётся на чужбине, среди других народов и обычаев. Большинство экскурсоводов, говорящих на русском языке, – женщины, которые вышли замуж за иностранцев. Соскучившись по нормальному общению, они могут многое рассказать о стране, куда их занесло, гораздо интереснее, чем об этом пишут в туристических проспектах и путеводителях. Но наша сегодняшняя девушка-экскурсовод не оправдала моих надежд и большую часть пути утомляла пассажиров автобуса пересказом хорошо известных биографических подробностей из жизни плотницкого сына Иисуса Иосифовича. Как правоверная иудейка, она не считала его земным воплощением Господа нашего вседержащего, а относила к категории граждан среднего класса. В её трактовке Иешуа га-Ноцри, имея хорошее происхождение, образование и связи, мог сделать карьеру, как в государственной, так и в духовной сферах, но что-то пошло не по плану и закончилось трагически. Прямо-таки не Священное Писание, а шекспировская пьеса.

– Я не смог в военную академию поступить, – ответил сосед, которому, очевидно, тоже надоело слушать вульгарный пересказ истории мальчика из Назарета.

Я молчал, ожидая разъяснений, и не торопил собеседни-

ка: боялся показаться навязчивым. Он, видимо, понял это и продолжил:

– Видите-ли, в 1974 году я окончил школу и решил поступать в военную академию, но там случилась одна неприятная история, связанная, кстати, с израильской темой, и всё получилось совсем не так, как я хотел...

– Извините. У вас, случайно, нет какой-нибудь верёвочки или шнурка? – прервал его приятный женский голосок. В промежуток между спинками передних кресел на нас смотрела миленькая девушка. – У сумки ручка оборвалась, хочу привязать, чтобы не потерялась.

– Для вас, мадемуазель, всегда-пожалуйста, – сказал мой сосед и достал из своей сумки маленькую катушку с прочными чёрными нитками. – Я обычно в дорогу с собой беру, мало ли что... – пояснил он, пожимая плечами.

Некоторое время он молчал, вспоминал на чём остановился, но только собрался продолжить, как между креслами просунулась тонкая девичья ручка с длинными разноцветными ноготками, и тот же голосок спросил:

– А чего-нибудь остренького у вас, случайно, не найдётся?

– В смысле – закусить? – неуклюже пошутил я.

– В смысле – нитку перерезать, – ответила она, вежливо хихикнув.

– Вот, возьмите, – сказал сосед и протянул ей маленький, величиной с мизинец, изящный ножик с костяной рукояткой и костяными ножнами, украшенными замысловатым

узором.

– Какая прелесть, – сказала девушка и утянула ножик к себе.

Через несколько секунд на узенькой ладошке катушка и ножик снова появились перед нами.

– Спасибо, – сказала она, – вы меня очень выручили. Чудесный ножик! Прелесть! В Яффе купили?

– Обижаете, мадемуазель, – сказал сосед, подражая акценту восточного торговца. – Разве в Яффе вам такой хороший товар дадут? Сам, мала-мала, сделал. Своими собственными руками.

– Тем более прелесть, – засмеялась она и вернулась на своё место.

Я уставился на ножик. Не зря всё-таки крестоносцы называли эту страну Святой Землёй: каких чудес здесь только не случается. Я искоса посмотрел на собеседника. Он не заметил моего взгляда. Убрал ножик в сумку и что-то там перекидывал.

Для описания подобной ситуации лучше всего подошёл бы литературный штамп: прошло много лет, но он почти не изменился; или наоборот – много воды утекло с тех пор, и его стало не узнать. Но ни то, ни другое я не мог сказать о своём соседе по туристическому автобусу. Я вообще не помнил, как он выглядел в семьдесят четвёртом году, тем более, что прошло уже больше тридцати лет. Я даже не помнил, как его зовут. Но я хорошо знал его. Знал, что из обломков сталь-

ных пилок он делает красивые маленькие ножики с резными костяными рукоятками. Знал, что он жил в деревне, где-то на Урале или в Башкирии. Знал, что с ним случилось в июле того года. Вообще много чего о нём знал, потому что прожил с ним две недели в одной дырявой армейской палатке неподалёку от города Ленинграда, когда поступал в ту же Академию, в которую, кстати, поступил, и через пять лет благополучно окончил.

– Меня Лёня зовут, – представился он и протянул руку. – Я смотрю, вы тоже один путешествуете. Если не возражаете, можем на сегодня организовать компанию. Пока экскурсия не кончится. Вы, как я понял, тоже из России?

«Точно, Лёня, – вспомнил я. – Его зовут Ленар. Сокращённо Ленинская Армия».

– Да. – Я пожал протянутую руку и назвал себя.

Он меня не вспомнил, и я, почему-то, не захотел ему напоминать.

– Да – не возражаете? Или да – из России?

– И то и другое. Я из Москвы. Точнее из Подмосковья. А в Тель-Авив к родственникам приехал на несколько дней, надо кое-какие семейные дела уладить. Через два дня назад улетаю.

– И я к дочери приехал. Она у меня, представляете, за палестинца вышла, живёт в Вифлееме. Я к ней в гости, как на свидание в зону езжу. От Иерусалима на такси до забора, потом пешком через КПП, а за забором уже на их такси до

церкви Рождества. Там и встречаемся. Неисповедимы пути господни, как оказалось. И как прикажете к этому относиться?

– Смириться, – сказал я. – Христос, как говорится, терпел и нам велел.

– Это для христиан. А я, как бы, мусульманин...

– В каком смысле «как бы»?

– В том смысле, что не христианин.

– Не понял.

– Ну в том смысле, что я не русский и в бога не верю. Я родился в Башкирии, в деревне. Но как-то всё время мимо религии. Отец был председателем колхоза, партийным, естественно. Дед тоже до войны был типа сельским интеллигентом – боролся с безграмотностью. Прадед в Гражданскую погиб, в борьбе за советскую власть. Меня по-башкирски зовут Ленар. Лёня – это для простоты общения. Расшифровывается, как Ленинская Армия, но, на всякий случай, по-арабски означает Свет Аллаха.

Он засмеялся. Я тоже.

– А что у вас там с еврейским вопросом произошло? – напомнил я.

Мне очень захотелось через столько лет услышать его версию той истории, которая поразила меня в семнадцатилетнем возрасте, показав, что не всё на этом свете зависит от нас самих и наших поступков. Есть ещё тупая сила, противостоящая нам без какого-то особого умысла. Не пытающаяся

победить или унижить нас, а так, просто, сбивающая с ног, не задумываясь. Так сбивает альпиниста в пропасть снежная лавина, только потому, что ветер в атмосфере неожиданно сменился, и где-то на вершине горы подтаял и треснул ледник.

– Как я уже вам говорил, – начал свой рассказ Ленар, – я родом из Башкирии. У нас было большое село...

«Четыре сотни дворов», – вспомнил я его рассказ тридцатилетней давности.

Деревня была настолько большой, что все местные дети учились в настоящей средней школе, после окончания которой получали законный аттестат зрелости, и могли с ним поступать в любой вуз страны. Но это теоретически. Практика, которая, как известно, критерий истины, показывала несколько другое.

Лёня считался очень хорошим учеником, особенно по математике. Ему даже выдали почётную грамоту от директора школы и комитета комсомола, подтверждающую способности к точным наукам. Но когда мы готовились к первому экзамену – письменной математике, выяснилось, что у него, как ни странно, есть затруднения с логическим мышлением.

Например, он мог без запинки повторить любую формулу из учебника, типа «квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов», и мог красивым почерком написать её на бумаге: «це квадрат равен а квадрат плюс б квадрат»; но, как только ему предлагали решить задачу, где вместо букв надо

было подставить цифры, его мозг чудесным образом отключался. Лёня представлял себе математику, не в виде универсального инструмента для вычислений, а как какой-то многомерный кристалл, в котором многочисленные грани и рёбра крепко связаны между собой магическими параметрами и правилами. Тем не менее, если ему объяснить, что никакой разницы между буквами и цифрами в алгебраических формулах нет, он быстро понимал в чём проблема. За ту неделю, что мы готовились к первому экзамену, Лёня научился решать многие задачи самостоятельно. Однако, раздел логарифмов ему так и не сдался.

Он хотел стать военным лётчиком. А кем ещё должен хотеть стать умный и здоровый деревенский парень, проживающий в эпоху развитого социализма в самом центре великой державы, прикрытой железным занавесом от происков мирового империализма? Мода на программистов-кибернетиков в его деревню на границе Европы с Азией ещё не пришла, а благородные профессии сельского врача, учителя и агронома уже не привлекали.

Не смотря на внушительные для российской глубинки размеры, деревня была не очень-то благоустроена. Электричество – слава партии большевиков – у них там было, но остальные жилищно-коммунальные услуги каждый коммунист и беспартийный обеспечивал себе сам, как мог. Воду черпали ведрами из колодца, дома отапливали дровами, о центральной канализации никто и не мечтал.

– Деревня у нас была большая, а автобуса не было, – услышал я голос Ленара.

Я знал, что он мне сейчас расскажет. Эту диккенсовскую историю, которую он считал нормой жизни, я уже слышал от него много лет назад...

Чтобы поступить в военное училище, десятиклассник ещё в марте-апреле должен был подать заявление в районный военкомат и пройти медицинскую комиссию. Мой военкомат находился на соседней улице, а город, в котором размещался военный комиссар его района, находился на расстоянии сорока километров от Лёниного дома.

Личных машин в деревне не было ни у кого. Благополучие советского крестьянина ещё не достигло коммунистического уровня, когда «каждому по потребности». А сельские труженики не торопились выполнять первый принцип социализма «от каждого по способности», и, возможно, по этой причине общественный транспорт в деревню не ходил. Колхозные грузовики ездили в город не каждый день, и эти дни почти всегда не совпадали с расписанием работы военкомата, и, тем более, не совпадали с периодами весенних оттепелей, когда дорога превращалась в одну бесконечную грязную лужу.

– Если выйти в четыре часа утра, то после обеда можно было поспеть куда надо, – говорил он спокойно. – Я же не всю дорогу пешком шёл: на трассе легко попутку поймать. В военкомате меня знали и помогали. Ночевать разрешали у

дежурного, чтобы мне два конца в один день не делать, или, например, если завтра с утра какие-нибудь документы надо было получить.

Так я узнал, каким образом Лёня оказался в нашей Академии, которая хоть и носила имя легендарного русского лётчика, но к авиации никакого отношения не имела. Направление в наш суперсекретный вуз ему выписал лично военный комиссар после недолгих логических умозаключений.

– В лётные училища у меня в этом году разрядки нет, – сказал он Ленару. – А вот в Академию есть. Пойдёшь в Академию?

Лёня нерешительно пожал плечами.

– Академия даже лучше, чем училище. Если Академию называют именем знаменитого русского лётчика? Значит, что? – Он многозначительно поднял указательный палец вверх, как бы призывая дух исторического персонажа в свидетели. – Правильно, – ответил он сам себе после короткой паузы и ткнул пальцем в Ленара. – Значит, там готовят лётчиков, и значит, нам туда с тобой дорога. – Последние слова он неожиданно пропел на мотив известной фронтовой песни, а в конце вопросительно добавил: – Фирштейн?

Лёня согласился. Академия по всем параметрам была лучше училища.

Вступительные экзамены принимали в живописном месте. На берегу озера в пригороде Ленинграда доживали свой век несколько деревянных домиков и бараков академиче-

ской загородной базы. В них размещались столовая, учебные корпуса и административные помещения. Абитуриенты спали в больших армейских палатках, по десять человек, на жёстких деревянных нарах, но с ватными полосатыми матрасами, подушками и чистым постельным бельём. Палатки были старые, и по ночам через дыры можно было изучать звёздное небо – пространство будущих кровопролитных сражений за мир и счастье всего прогрессивного человечества. До выхода первого фильма космической саги «Звёздные войны» оставалось три года, но подготовка к ним шла полным ходом.

Лёня был моим соседом по деревянным нарам с левой стороны. Справа от меня разместился не менее интересный сосед. Он был полной противоположностью деревенскому парню. Во-первых, он был из города. Не помню точно из какого, но из какого-то большого областного центра: то ли из Иркутска, то ли из Волгограда. Во-вторых, он был настоящим отличником и не получил золотую медаль только из-за тройки по физкультуре, о чём и без аттестата свидетельствовали анатомические параметры его бледного тела.

Но самое удивительное было то, что его звали Борис Моисеевич Койфман.

В принципе, ничего крамольного в его имени, отчестве и фамилии не было. В Стране Советов проживало много людей с гораздо более странными записями в паспорте. Но в данном случае анкетные данные субъекта плохо сочетались с

конкретным местом и временем его нахождения. Удивительно было видеть, что среди «обычных» вчерашних школьников, подавших заявление в сверхсекретную военную Академию, находится человек, который, как в старом одесском анекдоте, на вопрос о национальности отвечает: «Да».

Кстати, об анекдотах. Советские люди времён брежневского застоя отличались, от жителей других стран тем, что многое в этом сложном противоречивом мире понимали однозначно, без лишних объяснений. Они были подготовлены к самостоятельной жизни не только семьёй и школой, но глубинной мудростью народной: частушками и анекдотами. Мудрость свободно, без цезуры и запикивания, передавалась из уст в уста между представителями разных полов, поколений и социальных групп. Каждый ребёнок знал анекдот о человеке, который разбрасывал на Красной площади в Москве пустые листовки, а когда его арестовали, объяснил следователям, что писать на них ничего не надо – все и так всё понимают.

Но Борис Моисеевич, именно таким полным именем мы называли его в своей палатке, казалось ничего не понимал или делал вид, что не понимает.

Советский Союз уже семь лет как разорвал дипломатические отношения с Израилем. В прошлом году была война Судного дня. Наши друзья арабы с помощью нашего оружия оказались, мягко говоря, не на высоте. Из всех телевизоров, радиоприёмников и газет нам рассказывали про сионистов и

их оголтелую военщину. При этом никто из нас никогда не видел ни одного живого сиониста, однако, твёрдо знал, что где-то у нас в стране живут ещё такие люди, которые, конечно, наши советские люди и никакие не сионисты, но всё-таки, как известно, «всегда лучше перебдеть, чем не добдеть». И люди эти, будучи такими же советскими людьми, тоже знают анекдот про пустые листовки и стараются всегда поступать как надо, по неписаным правилам.

А этот Койфман, делал вид, что ему никакие такие правила не известны.

А нам то что? У каждого из нас в это время была только одна проблема – пройти по конкурсу. Проблемы конкурентов по деревянным нарам никого не интересовали. Каждый думал, что хотел, и поступал, как требовалось.

Кстати, вопрос поступления Койфмана, казалось, не интересовал не только нас, но и наших командиров. Тут хочется сделать небольшое пояснение: в отличие от гражданских институтов, военные сразу сортируют абитуриентов по специальностям. Каждая специальность – это учебное отделение или курс, которому полагается начальник курса и курсовой офицер.

Со своим курсовым офицером я познакомился в первый же день.

Капитан Харин сидел за ободранным канцелярским столом и удивительным образом соответствовал своей говорящей фамилии. Курсанты между собой прозвали его, есте-

ственно, Харя, но эта кличка к нему почему-то не прилипла. Через год, по причине природной тупости, его от нас перевели в батальон охраны. Солдаты решили, что Харя – это очень мягко, и новому ротному больше всего подходит прозвище – Кирпич. С тех пор каждый дембель, возвращаясь домой, первым делом шёл на почту и отправлял капитану Харину ценную посылку, в которую, как не трудно догадаться, был вложен образец этого нехитрого строительного материала. Солдатская легенда гласила, что из присланных кирпичей во дворе своего многоэтажного дома капитан, подобно куму Тыкве, сложил маленький домик-гараж. Я в это не очень-то верю. Во-первых, у него не было автомобиля, а, во-вторых, кирпичей было явно мало, потому что завершил свою армейскую карьеру капитан Харин стремительно и бесславно – сел на три года за принуждение к воровству. Заставлял солдат выносить книги из типографии “Печатный двор”, куда его с командой отрядили для оказания шефской помощи.

– Заходите, не бойтесь, – пригласил капитан, когда мы с Койфманом открыли дверь.

– Здравствуйте, – сказали мы хором. – Можно войти?

– Можно сортир помыть, – ответил Харин, без предисловий знакомя нас с тонкостями армейского юмора. – Военнослужащий должен говорить «разрешите». Давайте ещё раз.

Мы вышли в коридор, постучались и снова открыли дверь.

– Разрешите войти? – спросил Борис, оказавшийся впере-

ди меня.

– Входите, – разрешил капитан. – И запомните, обращаясь к старшему, надо называть его по званию. Товарищ капитан. Понятно?

– Так точно, товарищ капитан. Понятно!

– Молодец, вижу, есть способности к воинской службе. Фамилия, имя, отчество?

Харин взял из пачки на столе пустую анкету, отвинтил колпачок дорогой китайской ручки и поднёс золотое перо к бумаге.

– Койфман Борис Моисеевич.

Рука капитана, уже готовая сделать первую запись, зависла над столом в состоянии неустойчивого равновесия. От кончика золотого пера по крепким нейронам капитанских пальцев в мозг поступил запрос: писать или не писать? Обработав запрос, капитанский мозг выдал команду глазам, которые медленно поднялись от бумаги и посмотрели на стоящего перед ними человека, оценивая, соответствуют ли названные параметры внешнему облику объекта. Удовлетворившись увиденным, мозг выдал разрешение. Рука опустилась, и золотое перо начало выводить в первом пункте анкеты фиолетовыми чернилами аккуратные буквы.

– Дата и место рождения?

Боря ответил.

– Место жительства?

Глаза капитана Харина снова посмотрели на Бориса, но

на этот раз сощурились, придав ему вид проницательного следователя, готового вывести злоумышленника на чистую воду. Обычно, в плохих фильмах, контрразведчик с таким выражением лица спрашивает шпиона: «Кто с тобой работает?» или «Откуда вас к нам забросили?». Но вопреки его ожиданиям, Койфман не раскололся и не сказал что-нибудь типа Бердичев или Биробиджан. Он назвал хорошо известный крупный советский город с русским именем, которое я, к сожалению, забыл.

– Так и запишем, – произнёс капитан с такой интонацией, как в тех же фильмах говорят: «Ну-ну, мистер Смит, продолжайте играть свою игру, придёт время, и мы вас выведем на чистую воду».

– Чем увлекаешься? – После нескольких официальных вопросов он перешёл на личное.

– В каком смысле? – не понял Боря.

– В прямом. Ну там... спорт, музыка... Или марки собираешь?

– Я в шахматы играю.

– Логично, – согласился капитан и сразу повеселел, как будто следствие пошло по правильному пути. – Водку пьёшь? – неожиданно спросил он.

– Могу, – уклончиво ответил Борис, видимо предполагая, что военный человек должен пить водку, но в то же время не быть зависимым от её пагубного влияния.

– Что значит, могу? – удивился капитан.

– Ну, могу выпить, если какой-нибудь случай... По праздникам...

– Много?

– Не знаю... Что значит много?

– Стакан водки залпом выпить можешь?

– Стакан? – переспросил Борис, удивлённый таким поворотом разговора. – Нет. Стакан не смогу.

– Значит ты ещё не мужик, – подытожил капитан Харин. – Свободен.

Он перевёл взгляд на меня и без паузы спросил:

– Фамилия?

Так я познакомился с Борисом Моисеевичем Койфманом.

Мой отец был военным. Я вырос в семье, где национальная тема практически никогда не обсуждалась. В школе военного городка национальные вопросы тоже никого не интересовали. Большая часть детей и учителей были русскими или украинцами, которые, в сущности, тоже были русскими и отличались только фамилиями с патронимическим суффиксом «енко» или «енько».

В младших классах я узнал, что мы живём в многонациональной стране, что у нас есть пятнадцать советских республик и, что жители этих республик одеваются в красивые национальные костюмы, как на плакате, который висел перед входом в актовый зал, и танцуют разные народные танцы на праздничных концертах в Кремле. Во дворе я узнал, что в стройбате служат одни «чучмеки», а в гастрономах работа-

ют «жиды», «грузины» любят блондинок, а «чукча – не читатель, чукча – писатель». Телевизор внушал, что где-там, за бугром, живут сионисты и американцы, которые хотят нас разбомбить, после чего мы разбомбим их в ответ шесть раз. Но никогда не встречая этих людей в повседневной жизни, я о них и не думал. В этом смысле, более реальными персонажами для меня были: англичанин Шерлок Холмс и француз д'Артаньян.

Бориса Моисеевича проблема дружбы народов, как видно, тоже не интересовала.

– Знаете, когда я приехал в Ленинград, поступать в Академию, – услышал я голос Ленара, – нас разместили в палатках. Там мы только спали, а к экзаменам готовились в специальных классах. Они были в старых деревянных домиках. Мне повезло. Мне вообще по жизни в серьёзных вопросах всегда везёт. Какая-нибудь мелочь может быть и обломиться, а по-крупному: ну там, жениться или на хорошую работу устроиться... Это всегда везёт...

– И в чём же здесь повезло? Как я понял, вы в Академию-то не поступили...

– В этом-то весь цимус, как говорят братья-евреи. В моей палатке было человек десять, но близко я познакомился с двумя. Мы спали рядом. Один был москвич, к сожалению, я забыл, как его зовут. Много лет прошло. Но хороший парень – без столичных закидонов. А второй – еврей. Борис Моисеевич Коган. Мы его почему-то всегда звали по имени-отче-

ству. Я с этими ребятами готовился к экзаменам. У нас школа в селе хоть и хорошая была, но с городскими не сравнить, особенно с московскими.

Первый экзамен – письменная математика. Особенность его была в том, что перед началом каждому абитуриенту присваивали личный код, и работы подписывались не фамилией, а этим кодом. Считалось, что так у проверяющих не будет возможности повышать оценки блатным абитуриентам, – этакая борьба с коррупцией.

Не помню, какой в точности был у нас конкурс, но несколько человек на одно место претендовали. Значит, каждый каждому был конкурентом. Чем больше двоек, тем больше у оставшихся шансов поступить. Но что-то в нашем северном климате не так – не прививается в нём конкуренция. Мы с Борисом и Лёней сели рядом. В небольшом пространстве аудитории для нас плотно сдвинули столы. У каждого свой собственный вариант. Списать у соседа нельзя, но помочь можно. Если вслух не разговаривать, и подсказки на черновике писать.

На следующий день объявили результаты: Койфман – пять, я – четыре, Ленар – тройка. Где-то мы всё-таки с Борей не доглядели, или он сам напутал. Но положительная оценка внушала надежды и давала шанс.

Почему Койфман получил пятёрку на первом экзамене, мне до сих пор не понятно. Мало вероятно, что тогдашние борцы с коррупцией не умели обходить ими самими и приду-

манные правила. Наверное, у проверяющих не хватило смелости испортить идеальную письменную работу. Это всё-таки какой никакой, а документ.

Устную математику сдавали уже безо всяких кодов, не скрывая свои настоящие имена и фамилии. Тогда-то и прозвенел для Бориса Моисеевича первый предупредительный колокольчик. Внимание, идёт нарушитель.

Я не видел, как он отвечал. Койфман был в другой группе.

Мы с Ленаром оказались вместе. Для подготовки к экзамену людей в аудиторию запускали сразу по двадцать человек. Все сидели за отдельными столами, имея перед собой только ручку, карандаш и чистые листы, проштампованные с синими чернильными печатями. Лёня кроме того положил на стол маленький самодельный ножик, сделанный из обломка стальной пилки, с резной костяной ручкой и ножнами.

Может быть этот ножик, которым он всё время точил карандаш, был его талисманом, или Лёня покориł экзаменаторов чёткостью математических формулировок, но в результате он получил четвёрку. Я сдал на отлично. А вот Борис Моисеевич принёс тройку.

Всем в нашей палатке стало ясно, что его нагло валят, и ясно – за что. Обсуждая эту тему, мы сделали единственно логичный вывод: Койфман сам виноват. Правила известны всем. Они не нами, кстати, написаны. Если знаешь, что тебе сюда нельзя, то куда тогда прёшь? Для таких, как ты, есть другие места, куда можно. Туда и иди. Короче, сам дурак.

Был в нашей группе ещё один нарушитель. Он, правда, не знал о том, что нарушает. Набрал проходной балл и спокойно поступил. Написал домой, что зачислен. Но бдительные органы не дремали – нашли в его биографии изъян. Фамилия у человека была абсолютно правильная – Иванов-Петров-Сидоров. Родственников за границей не было, никто из родных под судом и следствием не состоял и во время войны в плену и на оккупированной территории не был. Но вот двоюродный дядя по материнской линии подкачал – служил священником в каком-то деревенском приходе. И хотя мать написала кучу объяснительных записок, что она с кузеном не общается и знать его, отщепенца православного, не желает, – паренька отчислили, так и не успев до конца принять. А потом выяснилось, что этот поп – не просто так, а правильный поп – наш человек, работающий под прикрытием. Но возвращать невинно пострадавшего уже не стали. Решили, что на всё воля божья.

– Третьим экзаменом была физика, – продолжал свой рассказ Ленар.

– Какая? – спросил я, показывая свой интерес к его рассказу, хотя хорошо помнил, как мы втроём пошли сдавать физику в первой группе.

– Устная, – ответил он. – Нас, поступающих, к этому моменту осталось не так и много – двоечники уехали домой. Можно было выбирать время, когда идти сдавать. Я физику хорошо знал и пошёл с утра. Борис Моисеевич тоже со мной

пошёл.

В этой группе был и я. Десять человек запустили в аудиторию, предложили на выбор билеты и рассадили за отдельными столами. Так же, как и на математике, на столе – только ручка, карандаш и бумага, а у Лёни ещё ножик, которым он время от времени стругал свой карандаш, а стружки аккуратно собирал в маленький бумажный пакетик.

Через полчаса председатель экзаменационной комиссии спросил, кто готов.

Боря поднял руку.

Как в таких случаях обычно бывает, все посмотрели на смельчака.

Комиссия состояла из нескольких мужчин в военной форме, одного старичка в гражданском костюме и одной женщины в плиссированной юбке и белой шёлковой блузке с бантом. Женщина была толстая и некрасивая. Они одновременно посмотрели на Койфмана, потом на стол перед собой – нашли его экзаменационную карточку, переглянулись, и председатель сказал:

– Виктория Михайловна, прошу вас. – И сделал жест рукой, как будто предлагал ей выступить перед зрителями колхозного клуба с номером художественной самодеятельности.

Виктория Михайловна встала, солдатским движением разогнала мелкие юбочные складки вокруг обширных бёдер, взбила попышнее нагрудный бант и твёрдым шагом двинулась к столу, за которым сидел Борис Моисеевич. Присев на

свободный стул, жалобно чирикнувший под её весом, она на удивление тонким голоском сказала:

– Можете отвечать.

Обитаемая вселенная, в которой нам всем довелось родиться, как известно, поделена на две половинки: мужскую и женскую. Эти разные, в природной сущности своей, части существуют, тем не менее, вместе, подчиняясь базовому философскому принципу единства и борьбы противоположностей. В зависимости от ситуации, победу в этой бесконечной борьбе одерживает то одна, то другая сторона. В быту, обычно, главная роль принадлежит женщинам. И хотя они любят поплакаться о своей тяжёлой доле, дома всё делается так, как скажет мама. На службе всё наоборот. Если женщина не смогла пробиться в начальники, то в трудовом коллективе ей уготована ничтожная роль. При этом мужчины-начальники стремятся поручать подчинённым женщинам самые неприятные задания. Предвидя, что дело будет грязным и не заслужит благодарности, они легко поручают его женщине, которой, как правило, некуда деваться. Где ещё она найдёт такую хорошую работу? Не на фабрику же, в самом деле, идти в неполные сорок лет, когда до пенсии ещё далеко, а трудовой стаж прерывать ой как не хочется.

– Какой там у нас первый вопрос? – ласково продолжила Виктория Михайловна.

Мужчины, оставшиеся сидеть за столом на возвышении, подобно олимпийским богам, занялись своими делами. При

этом их выразительные позы говорили, что к действию, происходящему внизу, они никакого отношения не имеют. Они свою работу уже сделали – направили просящему лучшего специалиста. И уж как он, то есть она, решит, то так тому и быть.

Боря прочитал вопрос номер один. Мы все смотрели на него, старались оценить: как строго к нам будут относиться экзаменаторы по этому предмету.

– Ну, что же вы молчите? – спросила Виктория Михайловна. – Отвечайте. Не задерживайте поток.

– Тема первого вопроса относится к разделу... – начал Борис.

– Не надо воду лить, – прервала она. – Отвечайте сразу по существу вопроса.

– Хорошо...

– И не делайте мне одолжения.

– Я не делаю.

– Вас что не учили, как надо вести себя на экзамене в высшее учебное заведение?

– Почему?.. Учили.

– Ну так не тяните время. Отвечайте... Первый вопрос относится к разделу физики...

Борис Моисеевич удивлённо посмотрел на неё.

– Ну, я жду, продолжайте. Или вы думаете, что я за вас сама отвечать буду?

Я слушал эту беседу и ничего не понимал. Военные за

столом вполголоса переговаривались между собой. Они были выше этих двух простых смертных, что-то выяснявших у подножья Олимпа.

– Вопрос относится к разделу... – повторил Боря, но голос его потерял былую уверенность.

В течении нескольких минут он сбивчиво говорил по теме, нервно чиркая шариковой ручкой по своим записям на экзаменационном листе. Но Викторию Михайловну, казалось, это не интересовало.

– Я думаю, – сказала она, воспользовавшись короткой паузой, – что вы достаточно продемонстрировали свои знания по первому вопросу, но не пояснили физический смысл вот этого параметра. – И ткнула пальцем в лист.

Боря пояснил.

– А как это согласуется с принципом... – она назвала принцип, который, как я помнил, относился к другому разделу физики.

– Извините, но он сюда не применим, – возразил Койфман.

– Вы так счита-е-т-е? – сказала она, растягивая звуки. – Одн-а-к-о... Но ваше мнение, знаете ли, в данный момент нас не интересует. Мы не на научной конференции, где допустимо спорить с оппонентом. Здесь вы демонстрируете свою подготовку, а наша задача – её оценить. По пятибалльной шкале. И я так понимаю, что один бал вы уже потеряли. Переходите ко второму вопросу.

На языке уличной драки – это был удар под дых, от которого пострадавший скрючивается, приседает и, давясь слезами от обиды и боли, начинает беспорядочно колотить воздух перед собой, не причиняя вреда противнику.

– Второй вопрос... – начал Борис.

На этот раз Виктория Михайловна дослушала до конца, не перебивая.

– Это всё, что вы можете нам сообщить? – спросила она, когда он замолчал.

– Да.

– Считаю, что ответ не полный и не позволяет положительно оценить ваши знания по этой теме. Переходите к третьему вопросу.

Я видел, как на лбу у Бориса Моисеевича появились мелкие капельки пота. Шариковая ручка, зажатая в кулаке между большим и указательным пальцами, дрожала. Он молчал. В аудитории было тихо. Все оторвались от своих листочков и смотрели только на него и Викторю Михайловну. Члены экзаменационной комиссии на своём помосте тоже перестали разговаривать, но по инерции продолжали изображать деловую активность. Один выравнивал бумаги на столе, другой очищал перо авторучки от налипших соринки, а председатель внимательно разглядывал что-то очень важное за окном. Было ясно: все они приготвилились и с нетерпением ждут развязки поединка внизу, на арене.

По заранее утверждённому сценарию Виктория Михай-

ловна готовилась нанести решающий удар. Но это должен быть не удар тореадора, вгоняющего рапиру в шею разъярённому быку. Это должен быть удар забойщика на мясокомбинате, который тупо лупит кувалдой по голове, загнанному в тесный станок животному. При этом он не испытывает к жертве никаких чувств. Просто у него такая работа. А у животного – просто такая судьба: быть убитым и разделанным на бифштексы. Ничего личного... Правила нарушать нельзя.

– Ну, что же вы молчите, товарищ... – она посмотрела на экзаменационный лист, где сверху была написана фамилия абитуриента, и с ударением почему-то на последнем слого добавила, – Койфман. Продолжайте...

Боря начал говорить. Он говорил спокойно и так тихо, что мне показалось, будто он не отвечает на вопрос, а пытается договориться с Викторией Михайловной по-хорошему, как водитель пытается договориться с инспектором, чтобы тот не штрафовал его за маленькое нарушение правил дорожного движения.

Прошла минута. В полной тишине был слышен только монотонный голос отвечающего, но что он говорил было уже не важно. Зрители знали, чем должна закончиться эта пьеса. Так с нетерпением ожидают окончания детектива, когда стало ясно, что преступление будет раскрыто, злодей пойман, и остался только один интерес – угадать, какая из представленных публике улики окажется решающей.

– Достаточно, – прервала монотонную речь Бориса Вик-

тория Михайловна. – К сожалению, должна отметить, что вы не в полной мере подготовились к поступлению в наш вуз. – Она сделала ударение на слове “наш”. – Я не могу знать, конечно, в какой школе вы учились, но должна отметить, что уровень вашей подготовки не соответствует требованиям нашей Академии. Из пяти вопросов экзаменационного билета вы не ответили на три, а это значит, что вы не можете набрать больше двух баллов, что, как вы сами понимаете, крайне мало для поступления. Вы свободны.

Она встала, большими пальцами рук расправила складки своей юбки, проверила симметричность расположения банта относительно центральной линии груди и с гордо поднятой головой пошла к своему месту на Олимпе. В полной тишине её каблуки стучали по крашеным доскам пола, как молотки, могильщиков, забивающих гвозди в крышку гроба.

«Бедный Борик», – подумал я.

Стук молотков сменился двойным деревянным скрипом: это поверженный Борис Моисеевич вставал, медленно отодвигая стул, а его победительница села и придвинула стул к столу.

– Я до сих пор помню его взгляд, – сказал Ленар, продолжая рассказ. – Это был взгляд, как бы вам объяснить... Наверное, правильно сказать, – осознанной обречённости. Я не большой знаток в медицине, но один раз говорил со смертельно больным человеком. Он знал, что скоро умрёт. Знал, что умрёт от болезни, которую ещё не научились лечить, и

ему просто не повезло. Но в тоже время, он был уже взрослым человеком, много чего в жизни видел и знал и, поэтому, воспринимал собственную смерть, как неизбежность. Даже, я бы сказал, – осознанную необходимость. Помните, как нас на лекциях по марксизму-ленинизму учили: «Свобода – есть осознанная необходимость». Это, кажется, Карл Маркс придумал, или Спиноза. Кстати, заметьте, – оба евреи... Молодые так не могут, они панически боятся смерти, мало чего в жизни видели и понимают. Глупые люди паникуют и начинают обвинять врачей, что те их неправильно лечат. А что врачи знают? Человеческий организм – этот космос, который более-менее научно стали исследовать лет двести назад, и так до сих пор ничего и не поняли. Борис Моисеевич, хоть и был молодым человеком, как и мы все тогда, но за его плечами, как говорится, стояла многовековая мудрость его народа. Немного пафосно, конечно, но это я потом придумал такое определение, когда вспоминал этот случай. А в тот момент я очень обиделся. Такая была явная несправедливость во всём этом, что я сдал свой листок и ушёл... Не стал сдавать экзамен...

В общем-то, всё было примерно так, вспомнил я. Вот только Лёня свою роль в этой шекспировской драме значительно принизил.

Насколько я помню, как только Койфман вышел из аудитории, Ленар встал, и глядя прямо на Викторию Михайловну, срывающимся голосом прокричал:

– Что вы делаете! Так нельзя! Это же не честно!

Моё место было сбоку от него, всю эту сцену я наблюдал со стороны, как из театральной ложи. Лёня стоял на своём месте, откинув назад стул и немного наклонившись вперёд. Левая рука ладонью упиралась в стол, придавая его тренированному телу дополнительную устойчивость. Правый кулак был прижат к животу, одновременно готовый к защите и нападению. В нём, как маленький меч, был зажат ножик с резной костяной рукояткой.

Лица двух главных персонажей я видел по-разному: Ленера – в профиль, а Викторию Михайловну – анфас. Могу только догадываться, какое выражение было на его лице. Но на лице Виктории Михайловны проявились сразу два чувства: удивления и ужаса. Наверное, так выглядела былинная Марфа или Евдокия, когда неожиданно ясным летним утром тринадцатого века в окно её рязанского терема заглянул невесть откуда взявшийся узкоглазый кочевник в лисьей шапке.

Она молча откатнулась назад так, что спинка стула гулко ударилась в деревянную стену, и замахала перед собой ручками с коротко остриженными красными ноготками, как бы отгоняя назойливых чертей.

Если бы не грустное предисловие, то эта импровизация могла украсить весёлую классическую оперетту: комическая старуха испугалась героя, который случайно ворвался в её будуар, вооружённый по ошибке не шпагой, а перочинным

ножиком. Мизансцену разрушил председатель экзаменационной комиссии.

– Встать! Смирно! – закричал полковник режиссёрским басом, поднимаясь со своего места.

Военная команда прозвучала в ушах ещё необученных абитуриентов, как фраза на иностранном языке. Вместо того, что выполнить приказ, все начали крутить головами, разыскивая того, кому он адресован.

– Это я вам говорю! – председатель ткнул пальцем в Лёню, который и так уже стоял. – Сдайте экзаменационный лист! И вон из аудитории!

– Вы не могли так с ним поступить! – откашлявшись, продолжал Ленар. Его голос немного окреп.

– Не вам, молодой человек, судить, что нам делать, – поддержал начальника один из военных. – Выполняйте приказ.

Спокойный голос второго военного, вернул Лёню в обычное состояние. Он успокоился, положил ножик на стол и стоял, опустив руки, не знал, что делать дальше. А к нему уже шёл третий – самый молодой член комиссии. Он сидел ближе всех к проходу.

– Не выступай, – тихо сказал майор Ленару. – Не порти себе биографию. Тихо собери свои вещи, и пойдём...

Он взял Лёню за локоть и быстро вывел за дверь.

– После обеда зайди в канцелярию за документами, – сказал он ему уже в коридоре. – Тебе же не нужны проблемы?.. Ну и нам тоже... Будем считать, что у тебя двойка по физи-

ке... Знаешь, в наше время двоечником быть даже лучше, чем... – Он запнулся. – Ну, думаю, сам понимаешь...

Ленар кивнул, что понимает.

– Очень напряжённая обстановка в мире. Нам нужны проверенные люди. Он, конечно, умный, ... но всякое может случиться. А нам рисковать нельзя. Велика, как говорится, цена ошибки... Много на карту поставлено...

Ленар перестал понимать.

– Ты вот, например, не умеешь сдерживать свои эмоции. Плохо! Для советского офицера просто недопустимо... Но не переживай – есть и другие хорошие профессии. Кстати, в гражданские вузы экзамены начинаются в августе. Ты ещё успеешь... А если подсуетишься, то пройдёшь, как представитель малых народов. Ты, я вижу, представитель?.. Знаешь, как говорится: что русскому хорошо, то немцу – смерть.

– Я не немец, – сказал Лёня.

– Не бери в голову. Сам вижу, что не немец. Это шутка такая. К слову пришлось. Хотя, согласен, пошутил неудачно... Ну да ладно... Иди... Двоечник.

Этот разговор нам пересказал Ленар вечером, когда они с Койфманом собирали вещи. Я сдал экзамен на пятёрку и уже почти поступил.

– Слушай, – сказал Борис Моисеевич, – возьми мои пособия. У меня хорошие учебники. Мне они уже не нужны, а тебе пригодятся. У себя в деревне ты таких не найдёшь.

– Спасибо, – ответил Ленар. – Как-то неудобно, они, на-

верное, дорогие.

– Фигня-вопрос.

– Нет, так, всё-таки, неправильно.

– Ну, давай тогда махнёмся на что-нибудь.

– У меня ничего такого нет.

– Давай на твой ножик... А то ещё зарежешь кого-нибудь.

Мы рассмеялись.

Автобус припарковался около древней крепостной стены. Девушка-экскурсовод, размахивая в воздухе синей папкой, объясняла, как мы не должны потеряться в разноплеменной иерусалимской толпе, и куда идти, если потеряемся.

– Ну и как, помогли вам его учебники? – спросил я, когда мы вышли из автобуса.

– Какие учебники? – удивился Ленар.

– Ну те, что вам Борис подарил.

– А я разве говорил про учебники?

– Ну да, – сказал я, стараясь придать голосу больше уверенности. Сам запутался: где Лёня закончил рассказывать, а где я начал вспоминать.

– У меня последнее время так бывает. Подумаю что-нибудь, а кажется, что сказал. Или наоборот... С возрастом, наверное... А у вас так бывает? – спросил он.

– Постоянно, – согласился я и облегчённо вздохнул.

– Я уж не помню, что это были за учебники. Помню, что я ему ножик подарил. Я их сам делаю, а потом кому-нибудь

дарю, если понравится... Я, когда домой вернулся, поступил в наш Башкирский университет на географический факультет. Оказалось, что у меня там родственник работал. Нефтяник – это, конечно, не космонавт, но со временем, сами знаете, как всё перевернулось. Оказалось, что нефть – это наше всё. Ничего нельзя предсказать заранее... Все ясновидящие и проповедники врут.

– Наша экскурсия начнётся от Стены Плача или, как её ещё называют, – Западной Стены. Это самое священное место для израильтян и для иудеев всего мира, – сказала девушка-экскурсовод и пошла вперёд, размахивая папкой, как штурмовым флагом.

На площади перед Стеной толпились люди всех национальностей и вероисповеданий.

– По обычаю, религиозные обряды в иудаизме совершаются отдельно: для женщин и мужчин. Я пойду с женщинами, а мужчины пройдите дальше. Подходить к Стене надо в головном уборе. Верующие иудеи носят кипу. Если у кого-то нет своей кипы, то при входе вам выдадут общественную.

Невысокий металлический заборчик отделял священную территорию от светской. Для прохода в заборчике был оставлен проём, рядом примостился алюминиевый столик. На столике в картонной коробке лежали бумажные шапочки, похожие на детские панамки. Я взял одну из них, надел себе на голову и пошёл к Стене.

Через несколько шагов передо мной возник хасид в чёр-

ном пальто и широкополой шляпе. Из-под шляпы свисали длинные закрученные спиральями пейсы. Низ лица скрывался за густой чёрной бородой и усами. Глаза закрывали тёмные очки с зеркальными переливчатыми стёклами. Он больше походил на пирата, чем на религиозного деятеля.

Ни слова не говоря, хасид взял меня за руку и жестом показал, чтобы я вытянул её вперёд. Потом быстрым движением завязал вокруг запястья красную шерстяную нитку. Было ясно, что совершается некий обряд значительной важности. После этого он на чистом русском языке сказал:

– Пожертвуйте на синагогу, – и протянул ладонь.

– И сколько стоит ваша синагога? – спросил я, пытаюсь определить ценность красной нитки.

Он молчал. За тёмными очками не было видно глаз. Но я представил, как он отводит их вбок и вверх, придавая лицу отстранённое выражение. На первый взгляд мы были с ним почти ровесниками, а значит оба хорошо помнили формулу «Торг здесь неуместен», завещанную нам отцом русской демократии Кисой Воробьяниновым.

– Десять шекелей, думаю, будет достаточно, – сказал я и открыл кошелёк. Пластиковые карточки ещё не вошли в повседневный обиход, и он был набит местными купюрами, похожими на разноцветные фантики от больших конфет.

Заглянув в мой кошелёк, хасид покачал головой и укоризненно сказал, обращаясь не столько ко мне, сколько, очевидно, к высшему покровителю своей организации:

– Не надо мелочиться. Сотни будет вполне достаточно.

– Убедили, – ответил я. – Двадцать. И фото на память.

– Договорились, – согласился он и подозвал молодого помощника, который стоял рядом, перенимая секреты ремесла у старшего товарища.

Я передал ему фотоаппарат-мыльницу и показал, куда надо смотреть, и на какую кнопку нажимать.

Пока молодой человек отходил на точку съёмки, мой собеседник решил подготовиться к фотосессии. Он вытащил из кармана пальто большой белый платок, снял очки и принялся тщательно протирать радужные стёкла.

Что-то ему явно мешало.

Хасид взял платок за угол и встряхнул.

Круглая палочка, размером с мизинец, выпала из складок ткани и, кувыряясь в воздухе, упала на землю. Перевернувшись несколько раз, она мягко стукнулась о ногу Ленара.

Он нагнулся и поднял вещицу.

На его ладони лежал маленький ножик, сделанный из обломка стальной пилки, с костяной резной ручкой и ножнами.